

DOI: 10.31857/S086919080010764-7

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА УРДУ И ЕГО СТАТУС В ПАКИСТАНЕ

© 2020

Л.А. ВАСИЛЬЕВА^a^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-2466-3832; ludvas@yahoo.com

Резюме: В статье рассматривается ряд вопросов, связанных с национальным языком Пакистана – урду. В истории Индостанского субконтинента этому языку была уготована своеобразная роль «игральной карты» в сложной англо-индо-мусульманской политической игре, которая началась более двух столетий тому назад. С годами она приняла форму конфликта между инду-ской и мусульманской общинами Британской Индии, приведшего, в конце концов, к разделу страны и образованию исламской республики Пакистан. В статье упоминаются основные вехи на пути эволюции языка урду, при этом акцентируется внимание на моменте разведения некогда единого языка на «индусский хинди» и «мусульманский урду» в самом начале XIX в. Через несколько десятилетий возникла и быстро стала набирать силу проблема противостояния «урду – хинди», связанная с зарождением индийского национализма в его двух вариантах: мусульманском и инду-ском. Усилиями националистов – лидеров индийской мусульманской общины язык урду стал пози-ционироваться как маркер мусульманской идентичности. В статье рассматриваются проблемы, связанные с урду в Пакистане, анализируются основные положения языковой политики властей страны на протяжении всех лет существования Пакистана, а также методы ее воплощения в жизнь. Особое внимание уделено вопросу соотношения «официального» английского языка и «на-ционального» урду и взаимоотношениям с обоими языками местных региональных языков. Замет-ное ослабление связей среди пакистанцев между идентичностью и языком – как родным, так и национальным, – усиливает их ассоциирование себя с общенациональным, но не с этнолингвисти-ческим сообществом.

Ключевые слова: Британская Индия, Пакистан, урду, хинди, английский, генезис, ислам, инду-изм, национализм, языковая политика, средство обучения, этнолингвистические проблемы, иден-тичность, идентификация.

Для цитирования: Васильева Л.А. История языка урду и его статус в Пакистане. *Восток (Oriens)*. 2020. № 4. С. 138–149. DOI: 10.31857/S086919080010764-7

URDU LANGUAGE, ITS ROLE AND STATUS IN PAKISTAN

© 2020

Ludmila A. VASILYEVA^a^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-2466-3832; ludvas@yahoo.com

Abstract: The article deals with a set of questions concerning Urdu – the national language of Pakistan and the fourth language in the world in terms of number of Urdu-speakers. In the history of the Hindustan subcontinent Urdu was set to play a specific role of “a playing-card” in the intricate Anglo–Indo–Muslim political game started over two hundred years ago. Through the years it turned into a conflict between Hindu and Muslim communities of British India, resulting in partition of the country and foundation of Islamic Republic of Pakistan. The article highlights landmarks in the evolution of Urdu emphasizing the background of severing the once common language into “Hindu Hindi” and “Muslim Urdu” at the beginning of the 19th century. Several decades later there came to the fore and gathered strength the problem of “Urdu – Hindi” confrontation fueled by the “theory of two nations” and the Indian nationalism with its two scenarios: Muslim and Hindu. Indian Muslim nationalists’ community made efforts to assert Urdu as a marker of Muslim identity. The author provides insight into key elements of the language policy of the establishment and the methods of its actualization through the years of

Pakistan existence. Particular emphasis in the article is given to the relation between “official” English and “national” Urdu as well as interrelation of both with local regional languages. Noticeable weakening of connection among Pakistanis as regards to their identity and language (both native and national) strengthens their self-identification as common not to ethnolinguistic community but to the whole nation.

Keywords: *British India, Pakistan, Urdu, Hindi, English, genesis, Islam, Hinduism, nationalism, language policy, medium of instruction, ethnolinguistic issues, identity, identification.*

For citation: Vasilyeva L.A. Urdu Language, Its Role and Status in Pakistan. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 4. Pp. 138–149. DOI: 10.31857/S086919080010764-7

Идея о независимом мусульманском государстве на территории Индии зародилась в середине XIX в., долго вынашивалась и развивалась и лишь в середине XX в. воплотилась в жизнь. В этом процессе сложной англо-индо-мусульманской политической игры языку урду была уготована роль некой «игральной карты». К печальным результатам этого процесса следует отнести отчуждение языка урду от своей исконной родины: потерю его статуса как одного из основных языков Индии со многими вытекающими последствиями. В Пакистане же возник целый ряд этнолингвистических проблем, связанных с урду.

«ЧЕЙ» ОН, ЯЗЫК УРДУ?

В свете «западных концепций Востока», объединенных в наши дни под понятием «ориентализм», попытки пересмотреть историю языков Индии предпринимают исследователи многих стран, включая пакистанцев и индийцев. Последние стремятся прежде всего доказать, что «язык урду – наш».

До возникновения Пакистана спор шел в основном о времени зарождения языка. Сегодня акцент сместился с хронологических параметров на географические. Среди ряда ученых, а вслед за ними и в умах широких слоев пакистанцев укоренилось мнение, что язык урду возник на современной территории Пакистана, причем, по мнению одних, – в Панджабе, других – в Синде, а третьих – на северо-западе страны. В Индии споры об урду проходят на мусульманском и индуистском «фронтах»: мусульмане, упрекая английских колонизаторов в разжигании лингвистических междоусобиц, обрушивают основную критику на индуистских националистов и весь свой пыл вкладывают в доказательства «индийскости» и «секулярности» урду и «враждебности» оппонентов. Индусы же акцентируют внимание на «мусульманстве» урду, договариваясь до того, что урду – явление «чужеродное» для современной Индии, подчеркивая при этом неразрывность понятий *хинди* – *хинду*.

Заслуживает внимания история языка, который по численности говорящих на нем занимает четвертое место в мире, является национальным языком Пакистана и нередко становится предметом межэтнических и межконфессиональных конфликтов в обеих странах Южной Азии¹.

О ГЕНЕЗИСЕ ЯЗЫКА УРДУ

Относительно возникновения языка урду имеется ряд гипотез, и все они остаются предметом научных дискуссий и в новом тысячелетии. Но существует научно аргумен-

¹ Подробно об истории языка урду см.: [Васильева, 2015, с. 35–89; Фаруки, 1999, с. 11–39; Джалби, 1977, с. 1–17].

тированная точка зрения, принятая большинством ученых мира, включая отечественных востоковедов: язык урду зародился в Северной Индии в близлежащих к Дели районах, на рубеже XI–XII вв.; один из наиболее распространенных диалектов Северной Индии – *кхари-боли* – дал грамматическую основу новому языку, вобравшему в себя лексику диалектов соседних областей (*браджа* и *авадхи*), тюркских языков и персидского, а через него и элементы арабского. Затем, по мере распространения на субконтиненте, он впитывал лексику других местных вернакуляров.

При разнообразии мнений по поводу происхождения урду необходимо помнить, что мусульмане не приносили в Индию и никогда не создавали там «свой» язык. Новый язык, вызванный к жизни особыми историческими условиями, сформировался на основе местных индийских диалектов, и в создании и развитии его приняли участие представители всех народностей и религиозных конфессий на обширных территориях Индостанского полуострова. Урду и литература на нем стали выразителями уникальной в своем роде синкретической индо-мусульманской культуры.

Распространению и развитию нового местного языка во многом способствовали религиозные проповедники двух распространенных в средневековой Индии религиозно-реформаторских движений: мусульманского суфизма и индуистского *бхакти*.

Новый язык стал быстро развиваться в образовавшейся многонациональной среде и назывался сначала *хиндави* или *хинди*, что означало «язык Индии», и *дехлеви* – «делийский»², но вскоре его начали именовать коротким *хинди*.

В начале XIV в. некоторые делийские поэты, которые писали на классическом персидском, *фарси*, увлеклись созданием газелей, в которых строки на *фарси* чередовались со строками на *хинди*. Их стали назывались *рехта газал*, что значит «смешанная газель», и со временем сам поэтический язык также стали называть *рехта* («смешанный»). На протяжении нескольких веков *хинди/рехта* оставался единым языком мусульман и инду-сов.

Во второй половине XVIII в. появилось и стало постепенно закрепляться за языком еще одно название – урду.

СЛОВО «УРДУ»

В средневековой Индии тюркское слово *урду* употреблялось в значениях «ставка правителя», а также – «столица». Так изначально называли делийскую резиденцию Великого Могола Шаха Джахана (правил 1627/8–1656/7). Отсюда, собственно, и начинается история названия «урду».

В 40-е гг. XVII в. на окраине Дели на правом берегу Джамны возник новый район Дели, который стал называться «Шахджаханабад». В центре его находился знаменитый делийский Красный форт – его-то и называли *урду-е му'алла*, т.е. «высокий шахский двор»³. Лишь спустя почти столетие вошло в самый широкий обиход название *урду* в словосочетании *урду-е му'алла* («высокий урду»), но в нем слово «урду» фигурировало уже в качестве названия не места, а языка⁴. В течение почти века витиеватое сочетание *забан-е урду-е му'алла-е Шахджаханабад* («язык славного столичного города Шахджа-

² Все эти названия сохранились не только в исторических документах, но и во многочисленных художественных текстах, включая поэтические.

³ Слово *урду* всегда употреблялось в Индии в значении «ставка правителя», но не «военный лагерь», как неверно считают многие; *му'алла* означает «высокий, славный; возвышенный». В Индии словосочетание *урду-е му'алла* со значением «славный столичный город / шахский двор» впервые упоминается в старых рукописях. Например, Инша А. Хан Инша (1756–1817) пишет: «...чистый, прекрасный язык можно слышать именно в урду и нигде более» (см.: [Васильева, 2015, с. 52]).

⁴ *Урду-е му'алла* стал считаться эталоном поэтического языка.

ханабада») в повседневной речи теряло отдельные слова и превратилось сначала в короткое *забан-е урду* («язык шахского двора / столицы»), а затем в одно слово *урду*, означавшее «язык урду». Лишь в середине XIX в. слово *урду* укоренилось в сознании индийцев только как название языка и вытеснило его старое название *хинди*⁵.

ПО ВЕЛЕНИЮ АНГЛИЧАН

«Перекодировка» названий языка относится к деятельности Колледжа Форты Вильям – учебного и научного центра востоковедения, основанного англичанами в Калькутте в 1800 г., главой которого был назначен служащий Ост-Индской кампании, знаток индийских языков шотландец Джон Б. Гилкрест⁶. Деятельность преподавателей Колледжа внесла огромный вклад в развитие индийских языков и литературы на них. Вместе с тем в результате активной деятельности Гилкреста урду оказался «разведенным» на два близких языка: на хинди с санскритским алфавитом и преобладающей лексикой с санскритскими корнями и урду с арабо-персидской графикой и многими словами арабско-персидского происхождения. Хинди, с легкой руки англичан в лице Гилкреста, стал считаться «языком индусов», а урду был объявлен «языком мусульман».

Можно добавить, что для разговорного языка, которым пользовалось большинство жителей Северной Индии, Дж. Гилкрест ввел новое название *хиндустани*. Вскоре оно вошло в самый широкий обиход для обозначения разговорного языка, одинаково понятного мусульманам и индусам, но чаще всего под ним подразумевался именно урду в арабско-персидской графике.

Итак, с начала XIX в. индийские мусульмане превратились в «собственников» языка урду. С тех пор, как урду был «приписан» мусульманам, а хинди – индусам, возникло и стало постепенно набирать силу противостояние двух языков: урду и хинди.

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ «ДВУХ НАЦИЙ» И ЯЗЫК УРДУ

До появления на политической арене Британской Индии видного мусульманского просветителя и реформатора Сайида Ахмад-хана (1817–1898) проблема «урду – хинди» находилась практически в зачаточном состоянии, а проявилась она в полную силу с рождением его идеи «двух наций». Именно с этого времени язык урду был вовлечен в орбиту политической жизни.

Концепции «индусской» и «мусульманской» наций возникли в колониальной Индии практически одновременно. Об этом подробно пишет, например, Е.Ю. Ванина, подчеркивая, что «индусский и мусульманский коммунизм представляется необходимым рассматривать ... как единое направление внутри индийского национализма, общий лагерь сторонников “теории двух наций”» [Ванина, 2014, с. 190].

Лидеры и мусульман, и индусов представляли «нацию» как некую однородную религиозную общину. Еще Дж. Неру утверждал, что между этими двумя вариантами коммунизма нет серьезной разницы. Обе теории нуждались друг в друге, ибо существование каждой «нации» имело смысл именно в противопоставлении себя другой. Но вместе с

⁵ Мусульманские просветители второй половины XIX в. – Сайид Ахмад-хан, Хали и их соратники – свой язык называли только *урду*, хотя их старший современник великий поэт Мирза Галиб (1797–1869) в своих письмах всегда употреблял названия *рехта* и *хинди*. Даже крупнейший поэт урду XX в. Мухаммад Икбал (1877–1938) в поэме «Таинства личности» (1915), выражая свое пристрастие к персидскому языку (*дари*), пользуется старым названием *хинди* в значении *урду*: «Хотя приятен всем мой *хинди*, словно сахар, // Но слаще для меня манера речи на *дари*».

⁶ Подробнее о деятельности Колледжа Форты Вильям см.: [Васильева, 2015, с. 66–71; Глебов, Сухочев, 1967, с. 56–59]

тем представление об особой судьбе мусульман Индии как «отдельной нации» было связано и со страхом лидеров мусульманской общины перед индусским большинством и его культурной экспансией [Белокреницкий, Москаленко, 2008, с. 33].

Ахмад-хан воспринимал «нацию» и «религиозную общину» как синонимы и говорил об индусах и мусульманах, как о равных «нациях», которые подобны «двум глазам на лице человека», подчеркивая равенство и единство двух общин. В.Я. Белокреницкий, упоминая этот образный пример в одной из своих работ, акцентирует внимание на имевшей политическую подоплеку патетике Сайида Ахмад-хана о праве мусульман на управление страной [Белокреницкий, 2019, с. 78].

Для идеологов обеих общин одной из важнейших составляющих концепции «нации» являлся язык. Сайид Ахмад-хан всячески пропагандировал духовное единство индийских мусульман и язык урду, как носителя исламской культуры и одну из главных составляющих самого бытия индийских мусульман. Иными словами, в глазах Сайида Ахмад-хана язык урду идентифицировал «мусульманскую нацию».

Идею о мусульманах Индии как «нации» в дальнейшем развил крупнейший поэт урду XX в. Мухаммад Икбал. Воплотив эту идею в поэтических образах, Икбал во многом повлиял на умы своих соотечественников-единоверцев, традиционно восприимчивых к изречениям и поучениям, выраженным в поэтической форме. Поэзия М. Икбала сыграла в дальнейшем немалую роль в формировании пакистанской идеологии. Недаром Мухаммад Икбала называют «духовным отцом Пакистана», провозвестником создания мусульманского государства на Индостанском полуострове.

Мухаммад Али Джинна (1876–1948) – «отец-основатель» Пакистана, подхватив мысли и высказывания Икбала, воспринял и горячо отстаивал идею «двух наций». Выступая за унитарное мусульманское государство с единым языком, М. Джинна, как и Сайид Ахмад-хан, считал именно урду единственно возможным языком, который консолидирует население многонационального и разноязычного мусульманского государства, а также служит его объединяющим символом. Вслед за Сайидом Ахмад-ханом Джинна руководствовался тем, что:

1. Урду понимали практически во всех провинциях субконтинента: нельзя забывать, что в 1837 г. место персидского языка – официального языка Великих Моголов – занял урду (наряду с английским) и фактически до 1900 г. оставался единственным языком регионального суда- и делопроизводства в ряде провинций Северной Индии⁷.

2. Урду был вторым языком высшего образования после английского в университетах и колледжах Британской Индии.

3. С 1829 г., когда в Индии появились переводы Корана на урду⁸, а затем *хадисов* и *тафсиров*⁹, для большинства индийских мусульман урду стал «языком религии»: ведь арабским языком и ныне владеют лишь образованные служители культа, а переведенная на урду шариатская литература доступна для понимания всего населения страны.

4. В Пакистане алфавиты местных языков всех провинций, вошедших в состав Пакистана (кроме бенгальского), всегда пользовались арабо-персидской графикой, и ею дети овладевали со школьной скамьи.

⁷ В апреле 1900 г. в условиях усилившегося противостояния «урду – хинди» колониальное правительство издало указ о «равном статусе языков, пользующихся шрифтом *нагари* и персидско-арабским». Однако урду с арабо-персидской графикой оставался доминирующим в ряде провинций вплоть до независимости [King, 1994, p. 155].

⁸ Первый полный перевод Корана на урду был выполнен в 1776 г., но опубликован в Калькутте лишь в 1840 г. В 1790 г. в Дели появился в нескольких литографических изданиях перевод Корана на урду с межстрочным оригиналом, однако в широкий обиход он вошел после его публикации в 1829 г.

⁹ *Хадис* – предание о словах и действиях пророка Мухаммада; *тафсир* – толкование Корана и Сунны.

5. Урду (вслед за персидским) с давних пор обладал статусом языка поэзии и литературы и служил признаком высокого уровня культуры и образованности¹⁰.

При создании Пакистана эти аргументы, приводимые в эмоциональных речах Джинны, помогли ему убедить своих соратников в единственно правильном выборе урду в качестве общего для всего мусульманского государства языка, хотя решение это было далеко не единодушным. Против выступали бенгальцы, предлагая узаконить также и бенгальский язык (о чем речь пойдет ниже). Раздавались голоса и в пользу английского языка, но такое решение лишь ущемило бы национальное достоинство народа, только что освободившегося от британской колониальной зависимости. По сути, для пакистанской политической элиты цементирующей языковой основой был именно английский, на котором уже более века велось делопроизводство во всех высоких правительственных сферах и верховная власть была гарантирована владеющей английским языком верхушке общества, как наиболее образованной и опытной в политике. Борьба за единый национальный язык имела для нее прежде всего политическое значение.

НОВОЕ ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЯЗЫК УРДУ

После образования Пакистана не только Джинна и правящая Мусульманская лига, но и все круги интеллигенции были заинтересованы в сплочении нации. Джинна прекрасно понимал значимость единого государственного языка для достижения этой цели, и таким языком он видел только урду. «Отца-основателя» поддержало почти все население Западного Пакистана, прежде всего образованные слои общества, и урду был провозглашен «национальным языком» (*коумизабан*) Пакистана. Как пишет Т. Рахман, «у мусульманской элиты были, конечно, свои сентиментальные и идеологические причины, но вместе с тем она поняла, что язык урду может служить еще и символом интеграции в такой мультиэтнической стране, как Пакистан» [Rahman, 1995, p. 16].

Однако жители восточной части страны, бенгальцы, остались обиженными: ведь их язык был самым большим в Пакистане по численности говорящих на нем. В Бенгалии начались волнения, вошедшие в историю как *Language movement* – «Языковое движение». Джинна сознавал, что «провинциализм Бенгалии был особо опасным для единства страны», как и требования провозгласить бенгали вторым официальным языком [Белокреницкий, 2019, с. 79]. М.А. Джинна совершил вояж в Дакку в марте 1948 г. Своим авторитетом и пламенными речами в защиту урду Джинна смог в какой-то степени «утихомирить» восточнопакистанских «бунтарей». Цитата из выступления перед студентами университета в Дакке стала хрестоматийной: «Государственным языком Пакистана будет урду и только урду, а не другой язык. Любой, кто пытается ввести вас в заблуждение, является врагом Пакистана» (цит. по: [Rahman, 2008, p. 105]).

«Языковое движение» стало набирать силу. В 1952 г. состоялись массовые демонстрации, пролилась кровь, и в 1956 г. бенгали получил-таки статус государственного языка Восточного Пакистана. События в Бенгалии, приведшие, в конце концов, к образованию Бангладеш (1971 г.), стали свидетельством того, что религия не сумела стать незыблемой основой и надежной спайкой уникального исламского государства Южной Азии.

В Западном Пакистане языковая ситуация изначально складывалась иначе, чем в его восточной части. Объявленный государственным языком урду имел здесь практически повсеместное распространение, хотя и не был родным языком населения ни в одной из автономных провинций. Вплоть до сегодняшнего дня в Пакистане число людей, говорящих на урду, составляет всего 13,3 млн человек (7,57 %). Для сравнения приведем циф-

¹⁰ В провинции знание урду в той или иной степени распространялось лишь на тех людей, которые были обучены грамоте, и в тех районах, где имело место хотя бы начальное образование.

ры этнических групп, проживающих в Пакистане: панджабцы – 70,7 млн (40,2 %); пуштуны (пахтуны) – 35,2 млн (19,8 %); синдхи – 24,8 млн (14,1 %); сирайки (серайки, сарайки) – 14,8 млн (10,53 %); белуджи – 6,3 млн (3,57 %); различные малочисленные племенные группы, говорящие на своих языках (их насчитывается более пятидесяти), – 11,1 млн (4,66 %) ¹¹.

Таким образом, в новообразованном исламском Пакистане урду оказался родным языком лишь для индийских иммигрантов, хотя на протяжении веков оставался языком литературы и высокой культуры во всех районах страны.

КТО ТАКИЕ МУХАДЖИРЫ

После раздела страны в Индии для беженца-индуса не составило трудности идентифицировать себя как «сикх», «панджабец», «бенгалец» или «синдхи», в то же время в Пакистане вопрос самоопределения переселенцев из Индии оказался весьма проблематичным. Дело в том, что в Британской Индии мусульмане идентифицировались только по религиозному признаку: ни они сами, ни их родной язык урду не были привязаны к определенной местности, и «чисто мусульманских» территорий в Индии никогда не существовало. Оказавшись в Пакистане, беженцы и переселенцы из Индии не смогли влиться в ту или иную этноязыковую группу, поскольку население, проживавшее в провинциях Пакистана, хотя исповедовало ислам и в большей или меньшей степени владело урду, говорило на родных, местных языках.

Для обозначения своей идентичности прибывшие из Индии мусульмане стали пользоваться термином *мухаджир*, т.е. «совершивший *хиджрат*» ¹², «переселенец», «эмигрант» ¹³. По сей день, заполняя анкетные данные, в графе «национальность» пакистанцы, переселившиеся из Индии, пишут *мухаджир*, в то время как коренные жители пакистанских провинций указывают свою этнолингвистическую принадлежность: «панджабец», «синдхи», «балуджи» и т.д.

На протяжении некоторого времени после образования Пакистана в эшелонах власти доминировали Карачи и Панджаб. Государственная языковая политика, разработанная как раз в это время и сориентированная на повсеместное распространение и развитие языка урду, способствовала консолидации панджабской и *мухаджирской* элит и укреплению их авторитета, прежде всего в районах распространения языков панджаби и синдхи.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА ПАКИСТАНА

Известный пакистанский социолог и историк Тарик Рахман назвал лингвистическую политику пакистанских властей «культурным империализмом», при котором с самого начала политика продвижения языка урду на всей территории Пакистана была направлена на повышение статуса урбанистической по своей природе культуры урду в целом, начиная от языка, одежды, поведенческого этикета вплоть до системы ценностей и мировосприятия, что принижало положение других местных языков и ущемляло их права. Ссылаясь на труд Пауло Фрейре «Педагогика угнетенных», Т. Рахман разъясняет это понятие: культурный империализм – это «империализм, которому “захваченные” не только

¹¹ Данные этнического состава Пакистана приводятся по: [CIA – The World Factbook – South Asia – Pakistan – People and Society: Ethnic groups. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/pk.html> (дата обращения: 09.08.2020)].

¹² *Хиджрат* (ар. *хиджра*) – вынужденное переселение пророка Мухаммада с мусульманской общиной из Мекки в Медину в 622 г.

¹³ Подробнее о проблеме индийских мусульман-переселенцев из Индии см.: [Васильева, 2018, с. 11–18].

покоряются, но и оказывают активную поддержку. И действительно, “захватчик” и его жертва принимают одни и те же ценности, усваивают их и действуют в соответствии с ними» [Rahman, 2002, p. 97].

Т. Рахман подчеркивает, что это определение в полной мере соответствует политике правительства Пакистана и менталитету большей части среднего класса населения Панджаба, в традиционном представлении которой язык урду и культурные ценности, связанные с городской могольской культурой (т.е. с культурой урдуязычной элиты), намного превосходят «простонародный» язык панджаби и сельскую в своей основе культуру Панджаба.

Организации и группировки *мухаджиров*, активно участвующие в борьбе за лидерство в политической и экономической областях, находятся в отнюдь не простых отношениях с коренными жителями провинций. Нередко межэтнические разногласия проецируются на урду: он становится источником самых разных спекуляций, с ним связываются причины жизненных неурядиц, проявляется открытая неприязнь к «языку пришельцев», раздаются требования пересмотреть его статус как национального языка Пакистана.

Языковая политика правительства вкупе с движением протеста в Бенгалии спровоцировала рост недовольства национально-этнических групп, направленного против панджабо-мухаджирской группировки. Выступления пуштунов, синдхи, белуджей с годами становились все более открытыми и нередко принимали форму протеста против урду и его ведущей роли в социополитическом дискурсе Пакистана.

ПОСТОЯНСТВО НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Языковая политика была провозглашена сразу после возникновения Пакистана и проводилась центральным правительством практически в одном и том же русле, причем задачи языковой и образовательной политики во многом совпадали. В соответствии с ними «урду следовало использовать в качестве основного средства обучения для укрепления идеологических основ нации и укрепления единства мысли, братства и патриотизма» [Rahman, 2002, p. 104]. Цели государства формулировались весьма четко, как, например, в одном из указов правительства: «Воспитывать в сердцах и умах народа Пакистана в целом и учащихся в частности глубокую и неизменную верность исламу и Пакистану и живое сознание своей духовной и идеологической идентичности, тем самым укрепляя единство мировоззрения народа Пакистана на основе честности и справедливости» (цит. по: [Rahman, 2002, p. 105]).

Практически сразу после появления на карте мира нового государства, в конце ноября 1947 г., в Карачи состоялось первое заседание Консультативного совета по вопросам образования Пакистана, на котором были провозглашены основы языковой политики и в самых общих чертах сформулированы принципы языкового обучения от школьного уровня до университетского. Казалось бы, власти были полны решимости «утвердить статус языка урду как *lingua franca* на всей территории страны и с этой целью ввести обязательное преподавание языка урду во всех школах страны» (цит. по: [Rahman, 2002, p. 95]). Однако обязательное преподавание урду отнюдь не предполагало, что именно этот язык должен являться и средством обучения.

Возможно, сначала правительство не видело такой необходимости, поскольку в недавние времена почти во всех провинциях именно урду был основным языком начального и среднего образования (в тех местах, где оно существовало). Исключение составляли школы Синда, в которых обучение велось на местных *синдхи* и *гуджарати*. Но в новом государстве ситуация менялась очень быстро в связи с демографическими переменами. Прибытие большого числа *мухаджиров* – в основном городских жителей, более образованных, чем местное население, – меняло социальный состав региона. Приезжие ратова-

ли за открытие школ с преподаванием на родном для них урду, и число таких школ быстро росло. Это касалось, прежде всего, столичного Карачи¹⁴, который довольно быстро превратился практически в урдуязычный мегаполис. Каких-либо четких указаний со стороны федеральных властей по поводу языка обучения не было, и урду довольно быстро заполнил почти всю столичную образовательную сферу, как и большинство других.

В 1950-х гг. в Пакистане был создан ряд комиссий и комитетов, занимавшихся исключительно ролью языка урду в жизни страны. В частности, в рамках Консультативного совета по образованию Пакистана был создан Комитет по урду, который возглавил один из крупнейших филологов своего времени, – Абдул Хак, носивший почетный титул *Baba-e Urdu* («Отец урду»). Среди обсуждаемых задач, стоявших перед Комитетом, одна из главных касалась повсеместного продвижения урду и возможности замены в обозримом будущем английского языка на урду, как средства обучения на университетском уровне. В провинциальных школах при обязательном изучении урду допускалось преподавание и на местном языке. Но опять же никакого законодательного акта по этому вопросу принято не было, и вопрос о языке преподавания решала администрация того или иного учебного заведения. Нередко в одном и том же учебном заведении различные предметы велись на разных языках; как правило, это были урду и английский.

Айюб Хан вскоре после того, как занял пост премьер-министра, создал очередную Комиссию по национальному образованию (1958 г.), целью которой оставалось все то же «укрепление национальных языков» (в то время урду и бенгали). В первом годовом отчете Комиссии по Западному Пакистану, в частности, говорилось:

«Мы твердо убеждены в том, что во имя нашего национального единства мы должны приложить все силы, чтобы содействовать языковой сплоченности Западного Пакистана, максимально развивая наш национальный язык. В районах бывшего Панджаба, Бахавалпура и Белуджистана урду издавна является языком начального школьного образования. Эта тенденция должна быть продолжена. Тогда урду в конечном итоге станет признанным, общеупотребительным языком для всего населения западной части нашей страны» (цит. по: [Rahman, 2002, p. 100]).

Во времена пребывания Зулфикара Али Бхутто на высших руководящих постах страны (1971–1977) языковая политика и ее основная часть – образование – в основе своей не претерпели сколько-нибудь ощутимых перемен, несмотря на либеральный и даже социалистический налет правительственного официоза тех лет. З.А. Бхутто был убежден, что ислам и урду в качестве объединяющих нацию символов успешно способствуют противодействию этнических разногласий в стране.

При последнем правительстве Наваза Шарифа, примерно в 2013 г., Верховный суд порекомендовал правительству опять же «немедленно» принять язык урду в качестве официального языка Пакистана. Департаментам федерального правительства было предложено перевести всю канцелярию с английского на урду в кратчайший срок – за 3 месяца (что было заведомо нереальным). По поводу этого распоряжения по всей стране начались бурные дебаты: должны ли пакистанцы придерживаться английского языка, который является международным языком дипломатии, науки и образования как минимум, или им следует перейти полностью на язык урду, который является символом национального наследия и самобытности? Все, разумеется, свелось к пространным высказываниям и словесным перепалкам, но «козлом отпущения» стал урду: прокатилась волна протестов против статуса урду как «национального языка». На сей раз центром протестов стал Панджаб.

Таким образом, провозглашенная сразу после образования Пакистана языковая политика центральных властей, согласно которой урду был объявлен «единственным нацио-

¹⁴ До 1958 г. Карачи являлся столицей Пакистана.

нальным языком» (*sole national language*) и вместе с исламом – объединяющим символом мусульманского государства, практически оставалась и остается без видимых изменений. По-прежнему федеральные власти не принимают конкретных законодательных мер по упорядочению языковых отношений в масштабе всей страны. Как пишет Т. Рахман, «материалы 1998-х годов, касающиеся политики Наваза Шарифа в области образования, читаются как документы, подписанные Зия-уль-Хаком, а постановления об образовании правительства Беназир Бхутто могут быть приняты за соответствующие документы времен Наваза Шарифа» [Rahman, 2002, p.107].

Вопрос об официальном языке не сходит с повестки дня, «страсти по урду» то затихают, то разгораются с новой силой. И хотя правительство Пакистана постоянно поддерживает урду и обращает особое внимание на его развитие и переход повсеместного школьного (по меньшей мере) образования на урду, эти усилия по-прежнему носят в основном декларативный характер.

КОНКРЕТНЫЕ ШАГИ ПО ПРОДВИЖЕНИЮ УРДУ

Но тем не менее, следуя в русле официальной языковой политики, предполагавшей включение преподавания на урду в ряд основных задач власти в области национальной интеграции, была разработана широкая научная программа, предусматривающая стандартизацию языка, выработку новой терминологии, создание словарей и учебных пособий по урду. В 1979 г. правительством Пакистана было создано Управление по национальному языку (*National Language Authority*) – учреждение для поддержки, развития и распространения урду. Совсем недавно статус Управления был повышен до министерского уровня, и название его было изменено на «Департамент по развитию национального языка Министерства национального наследия и интеграции Пакистана» (*National Language Promotion Department*).

Первоначально все усилия этого учреждения были направлены на создание системы взаимодействия как между федеральным и провинциальными правительствами, так и отдельными учреждениями по использованию языка урду в их регионах. Однако довольно быстро сфера задач намного расширилась. Были предприняты немалые усилия по облегчению урду как средства обучения (освобождению языка от малоупотребительных арабских и персидских слов и словосочетаний) унификации терминологии в области научного языка и языка делового общения. Особое внимание было уделено стандартизации урду, орфографии и лексикографии. Имея свою типографию, Управление стало издавать большими тиражами научную, публицистическую и детскую познавательную литературу, а также множество переводов с английского и других языков. Особой заслугой руководства и сотрудников учреждения следует назвать серийный выпуск самых различных словарей урду. Здесь же продолжает активно разрабатываться программное обеспечение на урду на разных уровнях для использования его в электронных средствах массовой информации. Все это, конечно, способствует повышению потенциала языка урду.

Одно из заметных явлений в жизни современного Пакистана, относящееся к области социолингвистики, – широкое распространение своеобразной контаминации урду и английского, получившей название *урдиш*, впервые зафиксированное в 1989 г.¹⁵ Например, в предложении на *урдиш* почти все существительные могут быть английскими и только служебные слова и глаголы оставаться «родными». Это лингвистическое явление охватило практически все слои населения и пропитало все области жизни, от

¹⁵ *Урдиш* рассматривается как «гибридное использование английского и урду в Пакистане, включающее переключение кода между этими языками, при котором они свободно обмениваются как в рамках предложения, так и между ними» [<https://en.wikipedia.org/wiki/Urdish>] (дата обращения: 15.10.2020).

обыденной речи до всех форм СМИ. Столь широкое распространение *урдуши* вызывает беспокойство в академических кругах по поводу сохранения чистоты урду, но представители власти видят в *урдуши* «помощника» в решении проблемы выбора между урду и английским.

По инициативе правительства Пакистана 14 августа 2015 г. стартовало движение *ILM Pakistan Movement* («Пакистанское Движение “Знание”»). На фоне давно знакомых задач повышения уровня знаний студентов, воспитания в молодежи чувства гражданской ответственности, терпимости и уважения всех народов Пакистана и т.д. обращает на себя внимание новаторский шаг правительства, направленный на весьма своеобразную унификацию языка обучения в масштабах всей страны. На церемонии открытия Движения было объявлено, что «в рамках новой учебной программы, над которой сейчас работает правительство, студентам будет представлен *урдуши* – уникальное средство обучения, сочетающее урду и английский»¹⁶. Прозвучало и разъяснение: образование на *урдуши* облегчит учебный процесс, поскольку английская научно-техническая терминология будет использоваться в оригинале, а описание научных процессов и необходимые объяснения будут выполняться на урду.

Трудно сказать, сколько времени продлится новый эксперимент с *урдуши* и сможет ли эта языковая контаминация заменить реальный язык – будь то английский или урду – в системе образования Пакистана. Но пока преобладание английского языка в государственном делопроизводстве, бизнесе, большей части сферы образования, а в городских интеллигентских кругах – и в обиходе не вызывает сомнения.

И все же, сохраняя элитарный статус, английский в ближайшем будущем вряд ли сможет заменить урду, который не только служит языком общения в большинстве районов Пакистана, но и неразрывно связан с государственной религией страны – исламом¹⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты различных социолингвистических исследований приводят к выводу, что в настоящее время английский язык значительно «теснит» урду и все шире используется в сферах общественной коммуникации по мере увеличения числа образованной части населения. Через *урдуши* английский язык внедряется даже в самые отсталые, необразованные слои населения, оставляя и закрепляя в их сознании свой определенный след.

Но вместе с тем позиция урду заметно укрепляется по отношению к региональным языкам, хотя требования повышения их престижа также не сходят с повестки дня, поскольку местные языки продолжают оставаться маркерами более низкого общественного статуса по сравнению с английским и урду.

Вплоть до наших дней связь между языком и идентичностью среди пакистанцев не стала четкой и стабильной. Как пишет В.Я. Белокреницкий, «в Пакистане до 70% и выше пакистанцев ассоциируют себя с общенациональным сообществом, не принимая во внимание ни свой язык, ни язык урду» [Белокреницкий, 2019, с. 89]. При этом религиозный фактор, касающийся урду, остается незыблемым, в данной ситуации пакистанцами просто не рассматривается.

¹⁶ Выступление Ахсана Икбала, из которого приведена цитата, было опубликовано 15 августа 2015 г. во всей центральной и местной прессе [<https://www.pakistantoday.com.pk/2015/08/15/ilm-pakistan-movement-launched>] (дата обращения :15.10.2019).

¹⁷ В соседней Индии мусульмане горячо отстаивают секулярность урду, и, в отличие от пакистанцев, попытки «привязать» язык к исламу называют «политическими происками». Действительно, в Индии XXI в. язык урду (в арабо-персидском варианте алфавита) практически оказался вытеснен почти из всех сфер активной жизни страны, и сегодня он уже не является показателем религиозной идентичности индийских мусульман.

Какое будущее ожидает урду в Пакистане – будет ли он развиваться и распространяться и далее, сохранится ли в существующих масштабах или постепенно утратит даже название «национального языка»? На эти вопросы сможет ответить лишь время, поскольку сегодня слишком трудно определить тенденции, предполагающие дальнейшую судьбу этого во многом уникального языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Белокреницкий В.Я. Формирование и современное состояние пакистанской нации. *Восток (Oriens)*. 2019. № 2. С. 76–91 [Belokrenitsky V.Ya. Formation and Present Condition of Pakistan Nation. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 2. Pp. 76–91 (in Russian)].

Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. *История Пакистана. XX век*. М.: Крафт+, 2008 [Belokrenitsky V.Ya., Moskalenko V.N. *The History of Pakistan. 20th Century*. Moscow: Kraft+, 2008 (in Russian)].

Ванина Е.Ю. *Индия: история в истории*. М.: Наука – Восточная литература, 2014 [Vanina E.Yu. *India: History in History*. Moscow: Nauka – Vostochnaia literatura, 2014 (in Russian)].

Васильева Л.А. *Становление газели урду. У истоков жанра*. М.: МБА, 2015 [Vasilyeva L.A. *The Formation of Urdu Ghazal: the Origins of the Genre*. Moscow: MBA, 2015 (in Russian)].

Васильева Л.А. *Поэзия и проза на чужих берегах. Эмигрантская литература урду*. М.: ИВ РАН, 2018 [Vasilyeva L.A. *Poetry and Prose in Strange Lands. Emigrant Urdu Literature*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2018 (in Russian)].

Глебов Н.В., Сухочев А.С. *Литература урду. Краткий очерк*. М.: ИВЛ, 1967 [Glebov N.V., Sukhochev A.S. *Urdu Literature. Short Essay*. Moscow: IVL, 1967 (in Russian)].

Джалби, Джамил. *Урду адаб ки тарих* (История литературы урду). Т. 1. Дели: Educational Publishing House, 1977 [Jamil Jalbi. *Urdu adab ki tarikh*. Delhi: Educational Publishing House, 1977 (in Urdu)].

Фаруки, Шамсур Рахман. *Урду каибтида и замана. Адаб и тахзиб аур тарикхенахлу* (Ранний период урду. Аспекты литературной этики и истории). Карачи: Адж ки китабин, 1999 [Faruqi, Shamsur Rahman. *The Early Period of Urdu. Aspects of Literary Culture and History*. Karachi: Aj Ki Kitabien, 1999 (in Urdu)].

King, Christopher R. *One Language, Two Scripts: The Hindi Movement in Nineteenth Century North India*. New Delhi: Oxford University Press, 1994.

Rahman T. *Language Planning and Politics in Pakistan. Research Report Series* № 9. Islamabad: Sustainable Development Policy Institute, 1995.

Rahman T. Government Policies and the Politics of the Teaching of Urdu in Pakistan. *The Annual of Urdu Studies*. 2002. Vol. 17. Pp. 95–124.

Rahman T. Urdu and the Muslim Identity: Standardization of Urdu in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. *The Annual of Urdu Studies*. 2008. Vol. 25. Pp. 83–107.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВАСИЛЬЕВА Людмила Александровна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Ludmila A. VASILYEVA, PhD (Philology), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia.